

ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

ПУТЬ

CoRpus

Без мужества соучастия, без трудной работы понимания истории, ее смертельных витков и петель мы рискуем снова попасть в наше недалекое прошлое. Это великая книга великого простого человека. Написанная для нас, сегодняшних.

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

Памяти XX века

Ольга Адамова-Слиозберг

Путь

«Corpus (ACT)»

1989, 2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Адамова-Слиозберг О.

Путь / О. Адамова-Слиозберг — «Corpus (АСТ)», 1989,
2019 — (Памяти XX века)

ISBN 978-5-17-111153-3

Новое издание мемуаров Ольги Адамовой-Слиозберг, написанных в 1950-е – 1960-е годы, повествуют о двадцати годах тюрем, лагерей и ссылок, через которые ей пришлось пройти в сталинские годы. Автор создает портретную галерею людей, встречавшихся ей на этом горьком пути, небольшой по объему текст настолько густонаселен, что оставляет ощущение широкого полотна ужасающих человеческих страданий. Судьба сводила Ольгу Львовну с самыми разными персонажами – правоверными коммунистами и критиками режима, уголовниками и утонченными интеллигентами, – но она никогда не стремилась дать им идеологическую оценку, она видела в них прежде всего страдающих людей. Именно неподдельный гуманизм и жалость к людям определяют угол зрения, под которым автор смотрит на свершившуюся безжалостную эпоху.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111153-3

© Адамова-Слиозберг О., 1989, 2019
© Corpus (АСТ), 1989, 2019

Содержание

Наум Коржавин	6
Путь	7
Часть первая	8
Щепка	8
Начало крестного пути	9
Лубянская тюрьма	11
Следствие	15
Методы следствия	17
Дар матери	18
Бутырская тюрьма в 1936 году	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Адамова-Слиозберг

Путь

© О. Адамова-Слиозберг, наследники, 1989, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Наум Коржавин

С человеческой точки зрения

Мемуары Ольги Львовны Адамовой-Слиозберг я читал одним из первых, по мере их написания. До появления Солженицына я вообще считал, что это лучшее из написанного о сталинских репрессиях и лагерях. Я и теперь не думаю, что это отношение было преувеличенным. Сейчас может показаться, что тогда – между смертью Сталина и XX съездом – не появлялось ничего на эту тему. Не появлялось только в печати. Москва была завалена рукописями мемуаров, рассказов, пьес о репрессиях, о годах сталинщины. Были среди них и интересные вещи. Но и на этом фоне мемуары Ольги Львовны для меня выделялись. И дело не в том, что она была моим старым другом по Караганде, где она жила в ссылке, а я – в некоторой полуссылке (не имел права жить в Москве и в культурных центрах). Дело в самом характере этих мемуаров. А может быть, и в самой судьбе Ольги Львовны.

В основном ходившие в самиздате мемуары начала 1950-х писались противниками Сталина или людьми, которых он, так сказать, обманул. Писались людьми, так или иначе вовлеченными в политическую жизнь.

Ольга Львовна никакого отношения к политической жизни не имела. Никакие нереализованные политические амбиции ее не волновали. Она была просто интеллигентной женщиной, матерью своих детей. Как и ее муж – доцент университета, – она была беспартийной.

Но когда ее привезли на Лубянку, неожиданно для нее оказалось, что она участник заговора, имеющего целью убить не кого-нибудь, а Лазаря Моисеевича Кагановича. Быть может, наверху шло распределение благ; возможно, Кагановичу в награду за верность такой заговор полагался как именинный пирог (должны же были за верными охотиться враги!). И ее как крупного деятеля осудили на восемь лет тюрьмы и отправили на Соловки.

После были и другие тюрьмы, и лагеря Колымы, повторный арест и ссылка в Караганду. И везде были люди, везде было страдание. На все она смотрела с человеческой точки зрения, глазами не политика, а просто человека. Впрочем, не просто человека, а человека определенной художественной культуры. Это и отразилось в ее мемуарах. Через них проходят совершенно разные люди, которых свела беда: коммунисты, беспартийные, уголовники, крестьяне, верующие и неверующие. И все для нее были прежде всего страдающими людьми. Во всех она видела человеческое – когда раздавленное, а когда и устоявшее. Такими они отражались в ее доброжелательных глазах, такими они и вступили на страницы ее мемуаров.

Эти мемуары поражают своей лаконичностью, собранностью, естественностью. На очень небольшом пространстве свободно уживаются множество людей, судеб. В этих мемуарах глубина народной трагедии, связанной со сталинщиной, ощущается явственнее, чем во многих других. Особенно тогда. Но и теперь тоже.

Тогда, в 1950-е – 1960-е годы, я показывал эти мемуары многим профессиональным литераторам. На них горячо отозвался С. Я. Маршак. К ним с интересом отнесся А. И. Солженицын. Мое отношение к этой книге разделяли многие. Но света тогда, когда она была написана, и даже в годы оттепели она увидеть не смогла, несмотря на ее относительную внеидеологичность. И дело даже не в темах, которые она задевала, не во взглядах, которые высказывала, а в том, что это был голос свободного человека.

Хорошо, что теперь читатель получит к ней доступ. Книга читается легко, захватывает. Многие эпизоды потрясают. Эта книга – для читателя.

Незадолго до смерти С. Я. Маршак сказал, что этой книге суждена долгая жизнь. Я тоже так думаю.

Путь

Перед вами мой “Путь”.

Я обращаюсь к вам, нашим детям и внукам, от имени сотен тысяч женщин-страдалиц, с которыми я провела двадцать лет.

Не забывайте их мук.

Не прощайте их мучителей.

Этого – нельзя простить!

Я реабилитирована¹.

Двадцать лет этот час казался порогом в лучезарное будущее. Но вместе с радостью пришло чувство отверженности, неполноценности. Никто не вернет лучших в жизни двадцати лет, никто не воскресит умерших друзей. Никто не скрепит порвавшихся и омертвевших нитей, соединявших нас с близкими.

Возвращение к жизни – тяжелый процесс.

И тут как никогда важно подсчитать свой капитал: с чем ты вернулся, чем ты владеешь.

У тебя нет крова над головой, у тебя нет денег, у тебя нет физических сил. Твое место занято, потому что жизнь не терпит пустоты, и кровавая рана, которая образовалась в плоти жизни, когда оттуда вырвали тебя, заросла. Твои родители умерли, твои дети выросли без тебя. Ты двадцать лет не занимался своей работой, ты отстал и можешь быть лишь подмастерьем там, где твои товарищи стали мастерами. А трудно быть подмастерьем в пятьдесят лет. Казалось бы, все очень плохо. Казалось бы, ты банкрот.

Но если эти годы ты честно думал, смотрел, понимал и можешь рассказать обо всем людям, ты им нужен, потому что в сутолоке жизни, под грохот патриотических барабанов, угроз и фимиама лести они не всегда могли отличить ложь от правды.

И горе тебе, если ты ничего не понял, ничего не вынес из бездны, в которой оказался. У тебя все отнято, и никакая бумажка не вернет тебе места в жизни.

У тебя осталось только то, что есть в твоей душе.

Ты или нищий, или богач.

Эта книга зародилась в 1937 году, через год после того, как меня арестовали.

Сначала я не думала о книге. Думала о том, как объясню сыну и дочери, что их мать и их отец стали “врагами народа”². Я думала об этом все ночи. Самое трудное в заключении – это научиться спать. Я училась этому три года. Три года я лежала тихо-тихо ночи напролет и мысленно рассказывала. Обо всем. Не только о себе. О товарищах по несчастью, с которыми меня свела судьба, об их горестных страданиях, трагических случаях их жизни. Когда свершалось что-нибудь потрясшее меня, я ночью “вписывала” это в мою устную повесть. И она становилась все объемистее и объемистее.

Так создавалась эта книга.

Она жила во мне все эти годы.

---

¹ *Я реабилитирована.* – С середины 1950-х годов начался массовый пересмотр дел репрессированных в сталинские времена. В большинстве случаев приговор отменялся и выдавалась справка о реабилитации.

² *Враг народа.* – Термин “враг народа” применялся для обоснования массового террора еще во времена Французской революции XVIII века. С той же целью широко использовался советской властью.

Часть первая

Щепка

В 1935 году я наняла к детям няню. Это была работящая, чистоплотная женщина тридцати лет, очень замкнутая. У меня не было привычки интересоваться ее внутренней жизнью. Маруся казалась туповатой, равнодушной, с детьми была не очень ласкова, скупа и прижимиста, но исполнительна и честна.

Мы прожили с нею бок о бок целый год и были довольны друг другом.

Однажды во время обеда Маруся получила письмо. Прочитав его, она изменилась в лице, легла на свою постель и сказала, что у нее болит голова.

Я поняла, что у Маруси случилось несчастье. Сначала она не отвечала на мои вопросы и лежала лицом к стене, а потом села на постели и хриплым, злым голосом закричала:

– Знать хотите, что со мной? Извольте, только не прогневайтесь. Вот вы говорите, жить у нас хорошо стало. А я вот жила с мужем не хуже вашего, детей у меня было трое, получше ваших. Своим горбом дом наживала, скотину выхаживала, ночи не спала. Муж на все руки был: валенки валял, шубы шил. Дом был полная чаша. Работницу держали, так ведь это не зазорно, не запрещено. Вот вы держите работницу, ну и я держала в доме старуху, матери в помощь, а в поле сама спину гнула.

Только в тридцатом году зимой поехала я в Москву к сестре на роды, помочь, а в это время наших начисто раскулачили. Мужа в лагерь, мать с детьми – в Сибирь. Мать мне письмо прислала – притулись как-нибудь в Москве, может, поможешь чем, а здесь хозяйства никакого, заработать негде, с ребятами в землянке мучаюсь.

Ну, я с тех пор по домработницам хожу, что заработаю – все им посылаю. А вот пишут – умерли мои дети...

Она протянула мне письмо. Писала соседка: “От мужика твоего три месяца ничего нет, слышали, канал роет³. Дети твои с бабкой жили, все хворали. Землянка сырая, ну и питанья мало. Ну ничего, жили. Мишка твой с моим Ленькой дружил, хороший парень был. А только начала валить ребят скарлатина, мои тоже все переболели, еле выходила, а твоих Бог прибрал. Мать твоя как без ума, не ест, не спит, все стонет, наверное, тоже скоро умрет”.

В этот вечер я никак не могла дождаться мужа. Он был доцент университета, биолог, и, с моей точки зрения, умнее и учнее его не было на свете человека. Страшная тяжесть давила мне сердце. Мир, ясный, понятный и благополучный, заколебался. Чем же виновата Маруся и ее дети? Неужели наша жизнь, такая чистая, трудовая, неужели она основана на незаслуженных страданиях, крови?

Пришел муж, как всегда, возбужденный после лекции, с радостным чувством хорошо поработавшего человека перед отдыхом в кругу любимых людей. Дети бросились к нему, вскарабкались на спину. Ничего на свете я не любила больше вида своих визжавших от радости ребят, штурмующих широкую спину отца. Но сегодня я перехватила Марусин тяжелый взгляд и поскорее прекратила эту сцену.

Я вызвала мужа в другую комнату и рассказала ему обо всем. Он стал очень серьезен.

– Видишь ли, революция не делается в белых перчатках. Процесс уничтожения кулаков – кровавый и тяжелый, но необходимый процесс. В трагедии Маруси не все так просто, как тебе кажется. За что ее муж попал в лагерь? Трудно поверить, что он так уж невиновен. Зря в

---

³ ...канал роет. – В это время строили канал Москва – Волга. На его строительстве (1932–1937) широко использовался труд заключенных.

лагерь не сажают. Подумай, не избавиться ли тебе от Маруси, много темного в ней... Ну, я не настаиваю, – прибавил он, видя, как изменилось мое лицо, – я не настаиваю, может быть, она и хорошая женщина, может быть, в данном случае допущена ошибка. Знаешь, лес рубят – щепки летят.

Тогда я впервые услышала эту фразу, которая принесла так много утешения тем, кто остался в стороне, и так много боли тем, кто попал под топор.

Он еще много говорил об исторической необходимости перестройки деревни, об огромных масштабах творимого на наших глазах дела, о том, что приходится примириться с жертвами... (Я потом много раз отмечала, что особенно легко с жертвами примиряются те, кто в число жертв не попал. А вот Маруся никак не хотела примириться.)

Я ему поверила. Ведь от меня-то все эти ужасы были за тысячу верст! Ведь я-то жила в своей семье, в мире, который казался непоколебимым. Надо было поверить, чтобы чувствовать себя хорошим и нужным человеком. Да ведь я и привыкла ему верить, он был честен и умен.

А Маруся нянчила наших детей, хлопотала по хозяйству и только иногда, чистя картошку или штопая чулок, неподвижно глядела в стену, и руки у нее опускались, а у меня оживал червяк, сосущий сердце.

Но я быстро себя успокаивала: лес рубят – щепки летят.

Начало крестного пути

И свет не пощадил – и Бог не спас!

Михаил Лермонтов

В одну обыкновенную субботу я вошла в свой дом, полная мыслей о том, как проведу воскресенье, о том, как обрадуется дочка кукле, которую я ей несусь, как будет восторгаться сын слоном, которого завтра я ему покажу в зоопарке.

Я всегда говорила, что я не обольщаюсь, как другие матери, и вижу недостатки своих детей. Но я лгала. В глубине души я знала, что таких умных, красивых, обаятельных детей, как у меня, не было ни у кого на свете.

И я вошла в свой дом после работы, зная, что впереди чудесный субботний вечер и чудесный воскресный день.

Я отворила дверь. Меня поразил чужой запах сапог, табака.

Маруся сидела среди полного разгрома и рассказывала детям сказку. Груды книг и рукописей валялись на полу. Шкафы были открыты, и оттуда торчало всунутое наспех белье.

Я ничего не поняла, мне даже в голову не пришло ни одной мысли, только стало страшно, предчувствие несчастья оледенило душу.

Маруся встала и тихим, странным голосом сказала:

– Ничего, не убивайтесь!

– Где муж? Что случилось? Он попал под машину?

– Неужели вы не понимаете? Забрали его.

Нет, со мной, с ним этого не могло случиться! Ходили какие-то слухи (только слухи, ведь это было в начале 1936 года), что-то произошло, какие-то аресты... Но ведь это относилось совсем к другим людям, ведь не могло же это коснуться нас, таких мирных, таких честных...

– Как он?

– Сидел бледный, передал часы для вас, сказал, что все выяснится, чтобы вы не волновались. Детям сказал, что уезжает в командировку.

– Да, конечно, выяснится! Ведь вы знаете, Маруся, какой он честный, какой хороший человек!

Маруся горько усмехнулась и посмотрела на меня.

– Эх вы, образованная! А не понимаете, что кто туда попал, не вернется. Разве там справедливость?

Но ведь я знала о нем все, знала, что он не мог сделать ничего преступного.

Нет, я буду бодра, я докажу, что верю в справедливость нашего суда. Он вернется, и этот гнусный запах, этот пустой дом – останутся страшным воспоминанием.

А потом потянулось странное время: дети ничего не знали. Я играла с ними, смеялась, и мне казалось, что ничего не произошло, что мне приснился дурной сон. А когда я выходила на улицу, шла на работу – я глядела на всех людей как из-за стеклянной стены: невидимая преграда отделяла меня от них. Они были обыкновенные, а я обреченная. И они говорили со мной особенными голосами, и они боялись меня. Заметив меня, переходили на другую сторону. Были и такие, что оказывали мне особое внимание, но это было геройство с их стороны, и я и они это знали.

Один старый человек, член партии с 1913 года⁴, пришел ко мне и сказал: “Устройте свои дела, может быть, вас тоже арестуют. И помните, на вопросы отвечайте, а лишнего не болтайте, каждое ваше лишнее слово повлечет за собой длинный разговор”.

“Но ведь он совершенно невинен! Почему вы мне даете такие советы? Вы, большевик! Значит, вы тоже не верите в справедливость нашего суда? Вы недостойны партбилета!”

Он посмотрел на меня и сказал: “Запомните мои слова, а по существу поговорим через год”.

Я считала ниже своего достоинства прислушиваться к его советам. Я старалась жить так, будто ничего не случилось.

В это время проходил съезд стахановцев⁵ щетинно-щеточной промышленности. Когда мы собрались в Витебске, оказалось, что работники этой промышленности встретились впервые со дня создания советской власти. На встрече выяснилось, что в Ташкенте изобретают машину, которая уже десять лет работает в Невеле, что технология, принятая в Усть-Сысольске и дающая блестящий эффект и для качества, и для количества, и не снилась минчанам.

Это была веселая, эффективная и благодарная работа. Я была секретарем съезда, работала целыми днями, забывала, что, приехав в Москву, я опять попаду в пустую квартиру и опять буду носить передачи в тюрьму...

Назавтра после моего возвращения в Москву за мной пришли.

Смешно сейчас вспоминать, но первой моей мыслью было: все материалы съезда у меня, съезд стоил пятьдесят тысяч рублей. Вся работа в набросках, все пропадет, никто не разберет моих записок.

Пока делали четырехчасовой обыск, я приводила в порядок материалы съезда. Я не могла всерьез осознать, что жизнь моя кончена; я боялась думать о том, что у меня отнимают детей.

Я писала, клеила, приводила все в порядок, и пока я писала, мне казалось, что ничего не случилось, что я кончу работу и передам ее, а потом мой нарком⁶ мне скажет: “Молодец, вы не растерялись, не придали значения этому недоразумению!” Я сама не знаю, что я думала, инерция работы, а может быть, смятение от испуга были так велики, что я проработала четыре часа точно и эффективно, как у себя в кабинете наркомата.

Проводивший обыск следователь наконец надо мной сжалился: “Вы бы лучше простились с детьми!”

---

⁴ ...член партии с 1913 года... – Слово “партия” в советское время было синонимом Коммунистической партии. Уцелевшие во время репрессий члены партии с большим стажем входили в привилегированный слой.

⁵ Съезд стахановцев. – В 1935 году в СССР было организовано стахановское движение, названное по имени шахтера А. Г. Стаханова. Сообщалось, что он добыл за одну смену 102 тонны угля при норме 7 тонн.

⁶ Нарком (народный комиссар) – глава наркомата (народного комиссариата) – в 1917–1946 годах центрального органа управления отраслью в советском государстве, аналога министерства. В 1946-м наркоматы стали министерствами, а наркомы – министрами.

Да. Проститься с детьми... Ведь я расстаюсь с ними. Может быть, надолго. Это выяснится, этого не может быть.

Я вошла в детскую. Сын сидел в постельке. Я ему сказала:

– Я уезжаю в командировку, сыночек, оставайся с Марусей, будь умным.

Губки его искривились:

– Как странно! То папа уехал в командировку, теперь ты уезжаешь, вдруг уедет Маруся – с кем же мы останемся?

Я поцеловала его худенькую ножку.

Дочка сладко спала и посапывала, уткнувшись в подушку. Я ее перевернула. Она засмеялась и что-то пролепетала.

В первый раз в жизни я поняла, что это значит, когда слезы душат. Я никак не могла вздохнуть, но до сих пор с гордостью вспоминаю, что не показала сыну горя.

Мы вышли из дома.

Закрылась дверь. Сели в машину. Сразу кончилась жизнь обыкновенная, человеческая.

Иногда мелькали в мозгу по инерции какие-то заботы. Что-то недоделано, что-то надо исправить. Собиралась замазать окно. Дует. Сын простудится. Нет, не то. Что-то важное. Мама! Я все скрывала от нее опасность, которая надо мной нависла. Я ее утешала выдуманными сведениями о муже. Теперь она узнает.

Я не обняла ее, когда прощалась в последний раз, все откладывала разговор с ней, чтобы подготовить ее... Нет. Не это самое главное. Что-то я не доделала... Я хотела идти к Сталину, добиться свидания с ним, объяснить ему, что муж мой невиновен... Нет, не то... Что-то еще я не сделала...

Всё. Отрезана жизнь. Я одна против огромной машины, страшной, злой машины, которая хочет меня уничтожить.

Лубянская тюрьма

Камера во внутренней тюрьме на Лубянке напоминала номер гостиницы. Натертый паркет. Большое окно. Пять кроватей заняты, шестая – пустая. Но окно забрано щитом. В углу параша. В двери прорезано окошечко и глазок.

Ввели меня ночью, когда в камере все спали. Мне указали кровать. Лечь на нее казалось мне столь же невыносимым, как уснуть на раскаленной плите. Мне хотелось скорее поговорить с соседками, узнать от них, как проходит следствие, что мне предстоит. Я еще не научилась терпеть молча. Никто ко мне не обратился, все повернулись к стене от света и продолжали спать. Я сидела на постели, а ночь тянулась, а сердце разрывалось...

До подъема было два часа, но я их никогда не забуду.

Наконец в шесть часов в дверь стукнули: подъем.

Я вскочила уверенная, что меня сегодня же вызовут, все объяснится, я докажу, что я и мой муж не виноваты, я сумею убедить, что у меня нельзя отнять детей, что я чиста...

Первая истина, которую я усвоила, гласила, что в тюрьме главное – это научиться терпению, что меня вызовут или сегодня, или через неделю, или через месяц, что мне никто, никогда, ничего не объяснит.

Когда я поняла это (первые два-три дня я каждую минуту ожидала, что меня вызовут, а вызвали меня только на пятый день), я начала оглядываться вокруг и знакомиться с соседками. На Женю Быховскую⁷ я обратила внимание из-за заграничного, черного с красной отделкой платья.

---

⁷ *Женя Быховская* – Быховская Евгения Давыдовна (1903–1937). Член компартий Латвии и Германии. В 1936 году приговорена к 10 годам тюрьмы. Этапирована на Соловки. В 1937-м расстреляна.

“Вот это уже, наверное, настоящая шпионка!” – подумала я, видя, как она моется заграничной губкой и надевает какое-то необыкновенное белье. Лицо Жени портил нервный тик.

“Я-то не прихожу в отчаяние, – подумала я. – У меня-то все выяснится, а ты попала и не можешь совладать со своим лицом”.

Как потом я узнала, Женя работала в подполье в фашистской Германии и уехала оттуда потому, что тяжелая болезнь, сопровождавшаяся неожиданными обмороками, не позволяла ей оставаться в подполье. Один раз она потеряла сознание на улице, имея при себе партийные документы. Ее спас врач-коммунист, к которому она случайно попала. В 1934 году ее отправили лечиться в СССР, а в 1936 году она была арестована. Одним из главных мотивов обвинения было, что она слишком уж ловко избегала лап гестапо, особенно в случае с обмороком, очевидно, у нее были там связи.

Всего этого я не знала и смотрела на нее с отвращением и злорадством.

Мне было легче сравнивать себя с “настоящими” преступниками. Я казалась себе рядом с ними такой ясной, такой чистой, что не только умный и опытный следователь, к которому я попадаю, но и ребенок увидит, что я ни в чем не виновна.

Моя соседка справа, Александра Михайловна Рожкова, миловидная женщина лет тридцати пяти, имела срок пять лет, уже три года пробыла в лагере, теперь ее вызвали на переследствие по делу мужа-троцкиста⁸, которого связывали с убийством Кирова.

Александра Михайловна с утра очень озабоченно стирала, сушила и пришивала к блузке белый воротничок, так как ожидала, что сегодня ее вызовут на допрос.

Она мне рассказывала о лагере, в котором ей жилось неплохо, потому что она работала врачом, и упомянула в разговоре о своем сыне, одноплетке с моим, оставшемся у подруги.

– Как! У вас остался сын? Вы его не видели уже три года?!

И эта женщина интересуется каким-то воротничком, спрашивает меня, что идет в московских театрах!

Я ужаснулась. Ведь я не прошла лагерной жизни. Я имела глупость и жестокость сказать:

– Вы, наверное, не так любите своего сына, как я. Я не смогу выжить без него три года.

Она холодно посмотрела на меня и ответила:

– И десять лет выживете, и будете интересоваться и едой, и платьем, и будете бороться за шайку в бане и за теплый угол в бараке. И запомните: все страдают совершенно одинаково. Вот вы сегодня ночью стонали и вертелись и мешали спать соседям, а Соне (она помещалась напротив меня) десять ночей не давали спать, отдохнуть она может одну ночь. А меня вы разбудили, и я до утра не могла заснуть и думала о своем сыне, которого я, по-вашему, не так люблю, как вы своего, и мне было очень тяжело.

Это был хороший урок. Я на всю жизнь запомнила, что всем одинаково больно, когда режут живое тело.

Соня⁹, о которой Александра Михайловна говорила, что она не спала десять ночей, была хорошенькая двадцатисемилетняя шатенка, рижанка. Судьба ее забросила в Берлин, где она вышла замуж за троцкиста Ольберга¹⁰, тоже рижанина. Она разошлась с ним в 1932 году и с новым мужем, советским подданным, приехала в Москву. В бытность женой Ольберга она вела вместе с ним кружки русского языка для немцев-инженеров, которые ехали на работу в

---

⁸ ...мужа-троцкиста... – Троцкизм – одно из марксистских течений, цель которого – мировая революция. Названо по имени Льва Давидовича Троцкого (1879–1940), одного из главных организаторов октябрьского переворота 1917 года и создателей Красной армии. Троцкий и его последователи обвиняли Сталина в узурпации власти, бюрократизации партии и измене идеалам революции. В 1929-м Троцкий выслан из СССР. Убит в Мексике агентом НКВД.

⁹ Соня – Ольберг-Браун Суламифь Александровна (1909–1937). Член компартии Германии. Арестована в 1936 году. Приговорена к 10 годам лишения свободы. Этапирована на Соловки. Расстреляна.

¹⁰ Ольберг Валентин Павлович (1907–1936) – член компартии Германии, в 1935 году преподавал историю в Горьковском педагогическом институте. Расстрелян.

Москву. Всего через эти кружки прошло около ста человек. Это были безработные, просоветски настроенные люди, которые мечтали о России как о земле обетованной. Они работали в России в 1932–1933 годах. Может быть, между ними и были шпионы и террористы, но меньше всего об этом знала Соня. Однако она явилась главным свидетелем против них. Ее уже три месяца каждую ночь вызывали на допрос, держали у следователя до пяти часов утра, давали поспать один час, а днем не разрешали ложиться. Женщина она была безвольная, бесхарактерная, неумная. Ее убеждали несложными софизмами, которые ей казались неопровержимыми. Допросы шли примерно так:

– Ольберг был троцкистом?

– Да.

– На кружках он вел беседы?

– Да, для практики в русском языке.

– Будучи троцкистом, он не мог не освещать все события в троцкистском духе?

– Да.

– Троцкисты – террористы?

– Не знаю.

Удар кулаком по столу.

– Вы защищаете троцкистов! Вы сами троцкистка! Знаете ли вы, что я с вами сделаю? Вы будете счастливы, когда вас наконец расстреляют! Ваш муж (речь шла о втором, любимом, муже) будет арестован за связь с вами. Советую лучше вспомнить, что вы были комсомолкой, и помогать следствию. Итак: троцкисты – террористы?

И Соня подписывала.

– Да.

А потом начинались очные ставки с немцами, которые проходили так: ее вводили в кабинет следователя, где сидел очумевший и мало что понимающий Карл или Фридрих. Он бросался к ней и говорил:

– Фрау Ольберг, подтвердите, что я только учился русскому языку в вашем кружке!

Следователь ставил вопрос:

– Вы подтверждаете, что Карл, имярек, был участником кружка Ольберга?

Соня отвечала:

– Да.

Карл подписывал:

– Да.

Очная ставка кончалась, успокоенный Карл шел в свою камеру и не знал, что подписал себе смертный приговор. Соня возвращалась в камеру заплаканная и говорила:

– Вот семидесятый человек, на которого я дала ложное показание, но я ничего не могла поделать.

С нею справиться было легко.

Жене Гольцман было тридцать восемь лет. Она вступила в партию в первые дни революции.

Муж ее, писатель Иван Филипченко¹¹, был воспитанником Марии Ильиничны Ульяновой и в семье Ульяновых был своим человеком. Он разделял их нелюбовь к Сталину. По этому поводу у Жени с ним были бесконечные столкновения и споры, приводившие Женю в отчаяние, потому что только два человека на свете для нее были дороже жизни: муж, который ввел

---

¹¹ *Филипченко Иван* Гурьевич (Григорьевич) (1887–1937 или 1939) – поэт, член Союза советских писателей, член партии с 1913 года. В 1937 году приговорен к расстрелу за участие в “контрреволюционной террористической организации”. По одним данным, расстрелян в 1937-м, по другим – погиб в заключении в 1939-м.

ее в революцию и которого она считала честнейшим коммунистом и талантливым писателем, и Сталин, перед кем она преклонялась.

После ареста Филипченко Женю вызывали на допросы, сначала с воли, а потом арестовали и водили каждый день. Она приходила с допросов мрачная, никогда не рассказывала в камере ни о чем. Когда мои соседки обучали меня, как держаться на следствии, учили, что много говорить не надо, а то так запутаешься, что и не вылезешь, советовали следить, как следователь записывает твои ответы, а то подпишешь совсем не то, что говорила, Женя резко их останавливала и говорила мне:

– Помните, что, если вы советский человек, вы должны помочь следствию раскрыть ужасный заговор. Часто то, что кажется незначительным, дает в руки следствия нить. Вы должны говорить всю правду и верить, что невинных не осуждают.

Но однажды Женя вернулась со следствия вся в слезах, с красными пятнами на лице и потребовала бумаги для письма Сталину. В этот день она не выдержала и поделилась со мной тем, что с ней происходило. Женя не только мне советовала говорить всю правду на следствии, но и сама считала своим партийным долгом не скрывать ничего от следователя. Таким образом, она передала все высказывания Филипченко о Сталине, а также и все то, что о Сталине говорилось в Горках¹². За Женю ухватились. Ей дали очень квалифицированного следователя, который сначала обращался с ней как с членом партии, взывал к ее партийной совести, а потом, получив все интересующие его высказывания Филипченко, скомпоновал их и составил последний протокол так, что получалось, будто Филипченко собирался убить Сталина. Вот этот-то последний протокол Женя не подписала потому, что от мнения, что страна вздохнет, когда Сталин умрет, от слов “чтоб ему сгинуть”, которые Филипченко часто произносил, до намерения совершить теракт довольно-таки далеко.

Теперь, когда все протоколы, кроме последнего, были Женей подписаны, следователь переменял тактику, он ее ругал, кричал на нее и даже бил. Женя была возмущена и целыми днями писала письма Сталину об извращениях на следствии.

Филипченко, конечно, был обречен, независимо от того, подписала бы Женя последний протокол или нет, но ее убивала мысль, что ему покажут ее показания и он умрет в убеждении, что она его предала. И вот, подписав добровольно все предыдущие показания, она боролась, чтобы не подписать этот последний. Ее тоже стали вызывать по ночам, а днем не давали спать, сажали в карцер. Потом вдруг ее оставили в покое, а через несколько дней простучали в стенку, что Филипченко расстрелян и просил передать товарищам, что он умирает честным коммунистом. Женя была убита. Кроме ужаса совершившегося ее терзало то, что он не передал приветов ей. Значит, он знал, что она дала на него эти страшные показания.

Четвертой обитательницей камеры была Зина Станицына, девушка двадцати восьми лет. До ареста она преподавала математику в каком-то горьковском вузе.

Я спросила, в чем ее обвиняют, и она сказала мне, что арестована справедливо, она очень виновата.

– Что же вы сделали? – спросила я.

– Я не сумела разгадать одного нашего преподавателя. Он жил в Москве, приезжал в Горький¹³ раз в неделю читать лекции по диамату. Со мной он был откровенен и о многом говорил весьма критически. Мне это казалось признаком большого ума и заботы о родине.

Он ночевал в студенческом общежитии, а вещи свои оставлял у меня на квартире. Там же он принимал товарищей, которые к нему заходили. Я удивлялась тяжести его чемоданов. Он говорил, что там книги, но на следствии показал, что он троцкист, что в чемоданах была

---

¹² Горки – подмосковная усадьба, принадлежавшая З. Г. Морозовой-Рейнбот. Начиная с осени 1918-го в национализированной усадьбе В. И. Ленин проводил выходные дни и отпуска, а с мая 1923 жил постоянно.

¹³ Горький – так с 1932 года по 1990-й назывался Нижний Новгород.

троцкистская литература и приходили к нему товарищи по оппозиции. Таким образом, вышло, что у меня была явочная квартира.

Я слушала Зину с уважением, она была принципиальна и безжалостна к себе. Но дальнейший ее рассказ поверг меня в удивление.

– Я решила понести наказание и не оставить ни малейшего пятна на своей совести. Я вспомнила, что у нас для преподавателей математики читал лекцию профессор Н. (фамилию не помню). Когда он на доске доказывал теорему, выключилось электричество. Ламп и свечей не было. Я расщепила линейку и зажгла лучину. Профессор закончил доказательство при лучине и сказал: “Жить стало лучше, жить стало веселей, слава Богу, до лучины докатились”. Это была явная насмешка над Сталиным, дискредитация его.

– И вы сообщили это следователю?

– Конечно!

– И не упрекали себя за его арест?

– Потом, когда у меня с профессором была очная ставка, стало как-то неприятно.

– Он признал свою вину?

– Сначала отрицал, а потом сказал, что совсем забыл этот случай, тогда не придавал ему значения.

– Но вы испортили жизнь человеку за такую малость!

– В политике нет малостей. Сначала я тоже не поняла всей преступности его реплики, а потом осознала.

Я была потрясена. В наш разговор вмешалась умудренная опытом Александра Михайловна Рожкова (ведь она уже три года провела в лагере):

– Ну, важно навести тень на человека, а потом, наверное, у него нашлись еще грехи. Был бы человек, а статья найдется.

Мне не захотелось больше разговаривать с Зиной, но в моей решимости помогать следствию и быть полностью откровенной образовалась трещина...

Следствие

Я просидела в ожидании первого допроса пять дней.

Наглядевшись и наслушавшись, я несколько потеряла оптимизм, с которым готовилась объяснить и доказать, что мой муж и я совершенно невиновны. Но все же я считала себя совсем другим человеком, чем мои соседки по камере, связанные с какими-то очень важными людьми, втянутые в политическую борьбу.

Я человек беспартийный, мой муж тоже, он занимается наукой. Может быть, и есть какой-то заговор, но почему я должна отвечать за него?

Я представила себе следователя, умного и тонкого, как Порфирий из “Преступления и наказания”, я ставила себя на его место и была уверена, что в два счета поняла бы, кто передо мной находится, и немедленно отпустила бы такого человека на волю.

Наконец меня вызвали. Попала я к какому-то совсем не важному следователю, лет двадцати пяти. Кабинет был маленький, совсем не роскошный, наверное, днем здесь была канцелярия. В углу стояли две удочки, видно, мой следователь после ночной работы собирался ехать на рыбалку.

После первого допроса следователь записал: я признаюсь, что мой муж был троцкистом и у нас были троцкистские сборища.

Я написала: нет.

И вот так мы просидели всю ночь. Следователь говорил скучным голосом:

– Подумайте, признайтесь, – и смотрел на часы. Через десять минут он снова говорил: – Подумайте. – И снова смотрел на часы. Пока я думала, он ходил по кабинету, несколько раз подходил к удочкам и что-то поправлял.

Следующим вопросом следователя было:

– Что вы слышали о смерти Аллилуевой¹⁴? Отчего она умерла?

Я спокойно и уверенно ответила:

– Она умерла от аппендицита, я сама читала в “Правде”.

Следователь стукнул кулаком по столу:

– Лжете! Вы слышали совсем другое! У меня есть сведения!

И вдруг я с ужасом вспомнила, что месяца два тому назад я была в гостях у старого большевика Тронина, человека, глубоко мною уважаемого. Один из гостей, Розовский, рассказывал, что Аллилуева застрелилась после того, как Сталин при гостях грубо ее оборвал, когда она заступилась за Бухарина. Этот Розовский (он был завмагом) был арестован до меня, мы думали, за какую-то растрату. Он, конечно, мог на следствии передать этот разговор о смерти Аллилуевой в моем присутствии.

Стало страшно. Тронин и его семья будут привлечены за распространение антисоветских слухов. И ведь... “был бы человек, а статья найдется”... Да я ведь уже сказала, что не слышала никаких разговоров о смерти Аллилуевой. А Розовский, может быть, об этом и не говорил на следствии. Вся моя решимость ничего не скрывать от следователя окончательно исчезла. Я повторяла: “Я читала в “Правде”, она умерла от аппендицита”, – а сама тряслась от страха, что Розовский говорил на следствии о самоубийстве Аллилуевой и я выгляжу лгуньей.

Наконец следователь сказал:

– Подумайте в камере. Учтите, что только чистосердечное признание даст вам шанс увидеть своих детей. Упорное заперительство характеризует вас как опытного политического борца. Идите и думайте.

Я вернулась в камеру в половине шестого.

Александра Михайловна и Соня решили, что меня, по всем признакам, рассматривают как очень мелкого преступника, и я получу от трех до пяти лет лагеря. Женя говорила, что меня освободят. По этому поводу спорили, а я внутренне оледенела: все это так далеко было от того умного и справедливого следствия, которого я ожидала! Я впервые поняла реальную возможность, что меня осудят и я потеряю детей.

И я снова стала мечтать о том, чтоб меня вызвали, и я смогла бы доказать, что я не повинна. Мысль о Розовском и его версии о смерти Аллилуевой меня не оставляла. Я не спала все ночи и дрожала от страха.

Через две недели меня действительно вызвали, и все повторилось, вплоть до удочек, которые очень занимали следователя, а меня резали по нервам. Разговора о Розовском не было, и я поняла, что он ничего обо мне не сказал.

Через два месяца меня вызвали в третий раз, и следователь показал мне протокол, подписанный рукой моего мужа, где на вопрос, был ли он троцкистом, муж ответил: “Да”.

– Как это может быть! – воскликнула я. – Это неправда!

– Это, конечно, правда, но он уж нас помучил, пока мы добились от него признания!

При этом следователь как-то криво усмехнулся, и я поняла, что мужа моего истязали, били, если он подписал такое. Я содрогнулась, на минуту мне показалось, что я сейчас упаду. Потом я поняла одну вещь, и она наполнила меня гордостью за него и любовью: на меня-то он ничего не показал, как с ним ни бились следователи, как его ни терзали! И я поклялась, что не подпишу ложных показаний на него, хотя бы после его “признания” они и не имели значения.

---

¹⁴ Аллилуева Надежда Сергеевна (1901–1932) – вторая жена Сталина. Работала в секретариате Ленина, в редакции журнала “Революция и культура”, в газете “Правда”. Застрелилась или была застрелена.

Опять я просидела шесть часов. На этот раз следователь кричал, стучал по столу кулаком, обзывал меня политической проституткой, обещал, что я никогда не увижу своих детей, что их отдадут в детский дом, чтобы изолировать от влияния моей разложившейся семьи. Этого я боялась больше всего потому, что в детских домах детям меняли фамилии, и их уже никогда нельзя было найти. Так говорили у нас в камере. Я думаю, что эти слухи распространяли сами следователи, чтобы нас еще больше запугать.

И я опять вернулась в камеру и опять ждала, но больше меня не вызывали.

Следствие кончилось.

Я была “разоблачена”.

Следователь составил материал для суда, в котором он доказывал, что я была преступница, подлежащая тяжелому, мучительному наказанию и изгнанию из жизни.

Он был моложе меня. Где-то он сейчас живет. Я думаю, что его даже совесть не тревожит. Ведь он “исполнял свой долг”!

Методы следствия

Теперь я понимаю, что мне на следствии очень повезло. Оно проходило в начале 1936 года, когда женщин били, только когда их дела считались очень важными для следствия. Но уже в 1936 году не стеснялись использовать материнское чувство для своих подлых целей. Меня все время запугивали тем, что детей заберут в разные детские дома, поменяют им фамилии, и я уже никогда не смогу их найти.

В 1937 году методы следствия стали еще более жестокими.

Мой друг Рая Гинзбург была женой старого коммуниста, активного участника Октябрьской революции. Она сама тоже была членом партии с 1917 года и принимала участие в октябрьском перевороте. До 1937 года ее муж был в числе руководителей Челябинской области, кажется, первым секретарем обкома. В 1937 году и его и Раю арестовали и предъявили им тяжелое обвинение в предательстве, шпионаже, терроре, уже не знаю еще в каких преступлениях. Раю терзали, требовали подписать показания на мужа, но она стойко и категорически отказывалась это сделать. Наконец ей дали последний бой: в одну страшную ночь начался семисуточный допрос (мы такие допросы называли “конвейером”). Следователи менялись, а она должна была семь суток без сна отбиваться от их своры. На седьмой день произошло следующее: следователь вышел и не закрыл двери в соседнюю комнату. Рая услышала голос своего четырнадцатилетнего сына Алика, который в чем-то оправдывался. Следователь кричал: “Ты лжешь, мерзавец! Ты будешь говорить правду? Я тебя уничтожу!” – и тому подобное. Потом ей показалось, что ему заткнули рот, и она услышала звук ударов. Это длилось минут десять. В кабинет следователя, где, ни жива ни мертва, сидела Рая, вошел начальник ГПУ¹⁵, который был своим человеком в ее доме и казался ей порядочным. Он сказал ей: “Раиса Григорьевна, вы слышали? Так вот. Подпишите показания на мужа, и я вам даю слово, что завтра отправлю Алика к тетке в Москву. Иначе я не смогу помочь ни вам, ни ему”.

Рая, доведенная почти до сумасшествия семью сутками допроса, ужасом за сына, подписала не глядя все показания на мужа и на себя.

После 1956 года я встретила с Аликом. Я спросила его, что у него было в ГПУ. Он сказал, что его вызвали и начали ругать за то, что он ходил в семью арестованных товарищей

---

¹⁵ *Начальник ГПУ* – начальник местного управления НКВД СССР. На протяжении советского времени неоднократно происходили преобразования и переименования органов тайной полиции: ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия (1917–1922), ГПУ – Государственное политическое управление (1922–1923), ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление (1923–1934), НКВД – Народный комиссариат внутренних дел (1934 – февраль 1941), НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности (февраль 1941 – июль 1941), НКВД (июль 1941–1943), НКГБ (1943–1946), МГБ – Министерство государственной безопасности (1946–1953), МВД – Министерство внутренних дел (1953–1954), КГБ – Комитет государственной безопасности (1954–1991).

отца и матери, колот дрова, носил воду, в общем, помогал им и отвлекался от своего горя. Следователь кричал на него и ругал, а потом прогнал. Назавтра его действительно отправили к тетке в Москву. Били, очевидно, не его, а палкой по дивану.

Я спрашиваю себя, зачем нужно было так терзать людей, совершать такие преступления против человеческой совести, когда проще всего было бы подделать наши подписи. Очевидно, важно было сохранить эти показания для потомства в оправдание своих преступлений. Недаром на наших делах была надпись: “Хранить вечно”.

В Бутырской тюрьме, куда меня перевели по окончании следствия, я встретила с молодой женщиной по имени Злата (фамилии не помню). Три месяца тому назад Злата родила двойню. Муж был арестован. Злате дали побыть с детьми и покормить их три месяца. Девочки заболели (неудивительно – мать непрерывно плакала, какое же было молоко?). Одна из двойняшек умерла. Ей было два с половиной месяца. Другая болела. Но три месяца кончились, и Злату арестовали. На допросах ее заставляли давать показания на мужа, ничего общего не имевшие с действительностью. Она отказывалась. Злата просила следователя сказать ей, жива ли ее девочка, выздоровела она или нет. Ответ был один: “Подпишите показания на мужа, тогда я вам отвечу”.

Злата ничего не подписала.

Дар матери

В нашу камеру попали мать и дочь. Это был единственный случай, когда родных не разделили по каким-то соображениям. Матери было семьдесят лет, дочери – сорок.

Мать, внучка сосланного в Сибирь декабриста, чистенькая, домовитая старушка, очень религиозная, внимательно поглядывала вокруг и только руками разводила. Выслушает какую-нибудь горестную повесть, пожмет плечами и скажет: “Давайте-ка лучше пить чай с сухариками! Я посушила на батарее”. А сухарики аккуратно нарезаны ниткой (ножей ведь в тюрьме не бывает), хорошо высушены, посыпаны солью.

Дочка, Тамара Константиновна, – врач. Материнская порода чувствовалась во всем: сдержанная, внешне спокойная, всегда подтянутая. А выдержка ей была очень нужна: ей вменяли тяжелое преступление по 8-му пункту (террор)¹⁶. Следователь поклялся добиться признания и применял к ней весь арсенал своих средств. Ее запугивали, били, по пять-восемь суток она сидела в холодном карцере на хлебе и воде за грубость на следствии и заpiresательство. Вызывали ее каждую ночь, а днем не давали спать. Бывало, придет бедная Тамара Константиновна в восемь часов утра, сядет спиной к двери и сидя хочет поспать. Тотчас окрик: “Не спать!” Так она и мучилась целыми днями. Мать и мы все ее загромождали, а нас отгоняли.

После отбоя, только она ляжет, лязг ключа и голос дежурного: “Собирайтесь на допрос!” При всей своей выдержке она менялась в лице, и слезы катились из глаз. А мать крестила ее и шептала: “Мужайся!”

Дело дочери оборачивалось плохо, несмотря на то что она не подписала ни одного протокола. Много было показаний на нее, бессмысленных, явно выбитых, но вполне достаточных, чтобы обеспечить ей пятнадцать лет. (Их она впоследствии и получила.)

А мать почему-то решили отпустить. Почему, никто не знал. Пути следствия неисповедимы, но по целому ряду признаков было ясно, что ее отпустят. И вот однажды вошел в камеру корпусной и вызвал нашу старушку с вещами. Мы поняли, что на волю. (Так оно и оказалось.) Милая наша старушка раздала в камере все свои вещи – кому расческу, кому зубную щетку, кому теплые носки. Дочери отдала все самое лучшее, а потом перекрестила ее и сказала: “Бла-

---

¹⁶ Преступление по 8-му пункту – имеется в виду статья 58-8 из раздела “контрреволюционные преступления” Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, действовавшего с 1927 до 1961 года. Приводим все статьи этого раздела (источник: Уголовный кодекс РСФСР. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938).

гословляю тебя материнским благословением и разрешаю, если очень плохо будет, наложить на себя руки. Не надо мучиться. Грех твой перед Богом беру на себя!” Тамара Константиновна целовала ее руку, а мать крестила ее, молилась, и такое чудесное, светлое было у нее лицо, точно дарила она дочери жизнь, а не разрешение на смерть.

Бутырская тюрьма в 1936 году

Через четыре месяца пребывания на Лубянке вечером в двери открылось окошечко и дежурный сказал: “Слиозберг, с вещами!”

Женя Гольцман подошла ко мне: “Видите, я была права, вы идете на волю. Я счастлива за вас. Помните о нас, оставшихся здесь”.

Мы поцеловались. Женя была очень хороший человек. Она действительно радовалась, думая, что я иду на волю. А другие немного завидовали. Я это знаю по себе: и рада за товарища, если ему повезло, и как-то сердце за себя больше болит.

Жени Быховской уже не было в нашей камере. Кончилось следствие, и ее куда-то перевели.

Александра Михайловна была уверена, что я иду не на волю, а в другую камеру. Соня молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.